

Любовь живет три года

Автор:

Фредерик Бегбедер

Любовь живет три года

Фредерик Бегбедер

Любовь живет три года – это закон природы. Так считает Марк Марронье, знакомый читателям по романам «99 франков» и «Каникулы в коме». Но причина его развода с женой никак не связана с законами природы, просто новая любовь захватывает его целиком, не оставляя места ничему другому. Однако Марк верит в свою теорию и поэтому с затаенным страхом ждет приближения роковой даты.

Фредерик Бегбедер

Любовь живет три года

Посвящается Софи Кристине де Шастенье и Жан-Мишелю Бегбедеру, без которых не родилась бы эта книга (и я тоже)

Как проигравший, я знаю, что говорю.

Скотт Фицджеральд

Ну и что? Ну да! Надо называть вещи своими именами! Человек любит, а потом больше не любит.

Франсуаза Саган (на званом обеде у себя дома с Брижит Бардо и Бернаром Франком)

Роман

Перевод с французского Нины Хотинской

Художественное оформление Надежды Черемных

Бегбедер Ф. Любовь живет три года: Роман / Фредерик Бегбедер; пер. с франц. Н.Хотинской. – М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2012. – 192 с.

ISBN 978-5-389-00641-6

УДК 821.133-312.6Бегбедер ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-00641-6

I

Сообщающиеся сосуды

I

Со временем любовь проходит

Любовь – это битва. Заранее проигранная.

Сначала все прекрасно, даже вы сами. Вы только диву даетесь, что можно быть таким влюбленным. Каждый день приносит новую порцию чудес. Никому на Земле никогда еще не было так хорошо. Счастье есть, оно проще простого: это чье-то лицо. Весь мир улыбается. Целый год ваша жизнь – одно сплошное солнечное утро, даже в сумерки и когда идет снег. Вы пишете об этом книги.

Торопитесь жениться – чего тянуть, если вы так счастливы? Думать не хочется, от этого грустно; пусть жизнь сама решит за вас.

На второй год кое-что меняется. Вы стали нежнее. Гордитесь тем, как хорошо вы с вашей половиной притерлись друг к другу. Вы понимаете жену «с полуслова»; как здорово быть единым целым. Супругу принимают на улице за вашу сестру – вам это льстит, но и на психику действует. Вы занимаетесь любовью все реже и думаете: ничего страшного. Самонадеянно полагаете, что эта самая любовь крепнет с каждым днем, когда конец света уже не за горами. Вы выступаете в защиту брака перед приятелями-холостяками – те вас не узнают. А вы-то сами уверены, что узнаете себя, когда талдычите заученный урок, изо всех сил стараясь не смотреть на свеженьких девочек, от которых светлее на улице.

На третий год вы уже не стараетесь не смотреть на свеженьких девочек, от которых светлее на улице. Вы больше не разговариваете с женой. Проводите с ней долгие часы в ресторане, слушая, что лопочут соседи по столу. Вы с ней все чаще бываете вне дома: это повод, чтобы не трахаться. А вскоре наступает момент, когда вы не можете больше выносить свою половину ни секунды лишней, потому что влюбились в другую. Только в одном вы не ошиблись: последнее слово действительно всегда остается за жизнью. На третий год у вас две новости – хорошая и плохая. Хорошая новость: вашей жене все обрыдло и она от вас уходит. Плохая новость: вы начинаете новую книгу.

II

Развод по-праздничному

Когда едешь поддатый, главное – целься между домами и не промахнись. Марк Марронье жмет на газ, в результате чего его мотороллер набирает скорость. Он лавирует между машинами. Те мигают ему фарами, гудят, когда он их задевает, прямо как на свадьбах в сельской местности. Вот ведь ирония судьбы: Марронье-то как раз празднует свой развод. Сегодня он совершает турне по маршруту № 5-бис, и на счету каждая минута: пять мест за вечер («Кастель» – «Будда» – «Бюс» – «Кабаре» – «Куин») – это уже круто, а прикиньте, что 5-бис, как явствует из названия, выполняется дважды за ночь.

В таких местах он часто бывает один. Светские люди вообще одиночки, затерявшиеся в море смутно знакомых лиц. Они приободряются, пожимая руки. Каждый новый поцелуй – трофеем. Они тешат себя иллюзией собственной значимости, здороваясь со знаменитостями, хотя сами в жизни ни черта не сделали. Бывать они стараются только там, где шумно, – можно не разговаривать. Праздники на то и даны человеку, чтобы скрывать, что у него на уме. Мало кто знает больше народу, чем Марк, и мало кто так одинок.

А сегодняшний вечер – не просто праздник. Сегодня у него divorce-party! Ура! Для начала он купил в каждом заведении по бутылке. И, похоже, к каждой успел нехило присосаться.

Марк Марронье, ты Король Ночи, куда бы ты ни пришел, сам хозяин заведения лбызает тебя в губы, ты проходишь без очереди, тебя ждет лучший столик, ты знаешь всех по фамилиям, ты смеешься всем шуткам (особенно самым несмешным), тебе дают дури задаром, ты повсюду красуешься на фотографиях, непонятно, с какой стати, с ума сойти, как высоко ты взлетел за несколько лет в светской хронике! Набоб! «Светский лев»! Но скажи, объясни на минуточку, почему жена-то тебе сделала ручкой?

– Мы расстались по обоюдному несогласию, – цедит сквозь зубы Марк, входя в «Бюс».

Позже он добавляет:

– Я женился на Анне, потому что она была ангелом – и именно по этой причине мы развелись. Я думал, будто ищу любовь, пока в один прекрасный день не понял, что хочется мне прямо противоположного – держаться от нее подальше.

Тихий ангел пролетает нехстати, и Марк меняет тему.

– Черт возьми! – рявкает он. – А девочки-то здесь ничего, жаль, я зубы не почистил, когда собирался. Опля! Мадемуазель, вы чудо как хороши. Будьте любезны, разрешите вас раздеть!

Он такой, Марк Марронье: прикидывается крутым в своем бархатном костюмчике, потому что быть нежным стыдится. Ему стукнуло тридцать: межеумочный возраст, когда ты слишком стар, чтобы быть молодым, и слишком

молод, чтобы быть старым. Он делает все, чтобы походить на свою репутацию: не дай бог кого-нибудь разочаровать. Он так старался расширить свой послужной список, что превратился в карикатуру на самого себя. Ему надоело доказывать, что у него добрая и глубокая душа, вот он и строит из себя злюку и верхогляда, нарочно демонстрирует буйный, а то и грубоватый нрав. Так что, когда он выбегает на танцпол с криком: «Ур-р-ра! Я р-р-развелся!» – нет желающих его утешать. Только лазерные лучи пронзают сердце, как острые клинки.

Наступает час, когда переставлять ноги становится сложной операцией. Пошатываясь, он вновь седлает мотороллер. Ночь холодная. Газанув с места в карьер, Марк чувствует, как по щекам текут слезы. От ветра, наверно. Его веки все так же каменно неподвижны. Шлема он не надевает. Дольче Вита? Что за Дольче Вита? Где она? Слишком много воспоминаний, слишком многое надо забыть, адова будет работенка – стереть все это из памяти, сколько прекрасных минут придется пережить взамен тех, прежних.

Он встречается с друзьями в «Бароне» на авеню Марсо. Шампанское втридорога, девочки тоже. Например, если хочешь потрахаться с двумя – выкладывай шесть тысяч, а с одной – три. И даже скидок не делают. Они требуют заплатить наличными; Марк со своей кредиткой выходит к банкомату; они везут его в гостиницу, разоблачаются в такси, сосут его на пару, а он знай нажимает на головы; в номере они мажутся душистым кремом, он вставляет одной и лижет другую; через некоторое время, поняв, что не кончит, симулирует оргазм, после чего идет в ванную, чтобы украдкой выбросить пустой презерватив.

В такси на обратном пути, ранним утром, он слышит:

Алкоголь слегка горчит,

День прошел – и день убит.

Захудалый музыкант

На мосту

Моей жизни заиграл

Пустоту.

Кристоф,

«Прекрасный чудак»[1 - Перевод Ирины Кудесовой. (Здесь и далее прим. пер.)].

Он решает впредь перед выходом мастурбировать, чтобы больше не попутал бес вытворять невесть что.

III

На пляже, совсем один

Всем привет, я автор. Добро пожаловать в мои мозги, извиняюсь за вторжение. Не буду больше морочить вам голову: я и есть мой главный герой. Все, что обычно со мной происходит, – так, семечки. Никто от этого не умирает. Например, ноги моей никогда не было в Сараево. Мои драмы разыгрываются в ресторанах, ночных клубах и квартирах с лепниной. Самая большая трагедия, которую мне пришлось в последнее время пережить, – меня не пригласили на чествование Джона Гальяно. И вдруг на тебе: ни с того ни с сего я подыхаю, до того мне плохо. Я помню время, когда все мои друзья пили горькую, потом – ширялись, потом – женились, а теперь вот пошел период, когда все разводятся, перед тем как подохнуть. А происходит это, между прочим, в самых веселых местах, здесь, например, на Красном Парусе, пляже в Сен-Тропе, жара, евроданс на стойке бара, чтобы освежить люмпен-кисок в бикини, их поливают «Кристал Рёдерером» за миллион старыми 0,75 л, а потом обсасывают им пупки. Во всех углах вымученно хихикают. Утопиться бы в море, но слишком много народу катается на водных лыжах.

Как же я допустил, чтобы показуха до такой степени подмяла мою жизнь? Часто говорят: «Надо спасти лицо». А я говорю, лицо надо убивать, только так и спасетесь сами.

IV

Самый грустный человек, которого я встречал на своем веку

Есть зимой в Париже такие места, где как-то особенно холодно. Сколько ни пей крепких напитков, кажется, будто пурга насквозь продувает бары. Надвигается ледниковый период. Даже в толпе пробирает колотун.

Я все делал правильно: родился в хорошей семье, учился в лицее Монтеня, потом в лицее Людовика Великого, получал высшее образование в институтах, где вращался среди интеллигентных людей; я приглашал их потанцевать, находились и такие, что давали мне работу; я женился на самой красивой из всех моих знакомых девушек. Почему же здесь так холодно? В какой момент я дал промашку? Я ведь хотел только доставить вам удовольствие, а мне не так уж трудно было соответствовать. Ну почему я не имею права жить как все? Почему вместо простого счастья, которым меня поманили, мне достались одни сложности и раздрай?

Я мертвый человек. Я просыпаюсь утром, и мне нестерпимо хочется одного – спать. Я одеваюсь в черное: ношу траур по себе. Траур по человеку, которым не стал. Я шагаю как автомат по улице Искусств – по улице, где умер Оскар Уайльд, совсем как я. Иду в ресторан, где ничего не ем. Метрдотели обижаются, что я не притрагиваюсь к блюдам. А вы много видели мертвецов, которые доедают горячее и облизываются? То есть все, что я пью, я пью натошак. Что хорошо: быстро пьянею. Что плохо: наживаю язву желудка.

Я больше не улыбаюсь. Это выше моих сил. Я умер и похоронен. У меня не будет детей. Мертвецы не производят на свет потомства. Я мертвец, пожимающий руки знакомым в кафе. Очень общительный мертвец и очень замерзший. Я, наверно, самый грустный человек, которого я встречал на своем веку.

Зимой в Париже, когда температура падает ниже нуля, человеку позарез нужны зальчики в глубине кафе, где свет горит всю ночь. Там, забившись в стадо, чтобы никто не видел, можешь наконец начать дрожать.

V

Срок годности

Можно быть высоким брюнетом и плакать. Для этого достаточно вдруг обнаружить, что любовь живет три года. Узнать подобную истину пожелаю и злейшему врагу (это фигура речи – врагов у меня не имеется). У снобов нет врагов, потому-то они обо всех и злословят: пытаются их заиметь.

У комара век – один день, у розы – три. У кошки век тринадцать лет, у любви – три года. И ничего не попишешь. Сначала год страсти, потом год нежности и, наконец, год скуки.

В первый год говорят: «Если ты уйдешь, я ПОКОНЧУ с собой».

На второй год говорят: «Если ты уйдешь, мне будет больно, но я выживу».

На третий год говорят: «Если ты уйдешь, я обмою это шампанским».

И никто вас не предупредит, что любовь живет только три года. Вся эта любовная афера строится на строжайшем соблюдении тайны. Вам внушают, что это на всю жизнь, а на самом деле любовь химически перестает существовать по истечении трех лет. Я сам вычитал в одном женском журнале: любовь – это кратковременное повышение уровня дофамина, норадреналина, пролактина, люлиберина и окситацина. Малюсенькая молекула фенил этиламина (ФЭА) вызывает определенные ощущения: приподнятое настроение, возбужденность, эйфорию. Любовь с первого взгляда – это в нейронах лимбической системы происходит насыщение ФЭА. А нежность – это эндорфины (опиум для двоих). Общество водит вас за нос: вам впаривают великую любовь, когда на самом деле научно доказано, что эти гормоны действуют только три года.

Впрочем, статистика говорит сама за себя: страсть длится в среднем 317,5 дня (что, интересно знать, происходит в последние полдня...), а в Париже из трех браков два распадаются в первые три года. В демографических ежегодниках ООН специалисты по переписи населения с 1947 года задают вопросы о разводе жителям шестидесяти двух стран. Большинство пар разводятся на четвертом году брака (это значит, что процедура была начата в конце третьего года). «В Финляндии, России, Египте, Южно-Африканской Республике у сотен миллионов опрошенных ООН мужчин и женщин, которые говорят на разных языках, работают в разных областях, по-разному одеваются, пользуются разной валютой, молятся разным богам и боятся разных бесов, питают бесконечно разнообразные надежды и иллюзии... кривая разводов стремительно идет вверх

после трех лет совместной жизни». Это общее место – всего лишь еще одно унижение.

Три года! Статистика, биохимия, мой личный опыт: срок любви один и тот же. Не нравятся мне такие совпадения. Почему три года, а не два, не четыре или, скажем, шестьсот? На мой взгляд, это подтверждает существование трех этапов, которые не раз выделяли Стендаль, Барт и Барбара Картленд: Страсть – Нежность – Скука, цикл из трех ступеней, каждая длиной в год – триада, незыблемая, как Святая Троица.

В первый год покупают мебель.

На второй год мебель переставляют.

На третий год мебель делят.

Все сказано в песне Ферре: «Со временем любовь проходит». Кто вы такие, чтобы тягаться с железами и нейромедиаторами, которые неизбежно вас подведут точно в срок? Ладно бы лирика, с поэтами можно поспорить, но против естественных наук и демографии не попрешь.

VI Дальше некуда

Домой я добрался еле живой. Господи, ну разве можно доводить себя до такого состояния, в моем-то возрасте! Культ зеленого змия – в восемнадцать лет еще куда ни шло, но в тридцать – это уже патетика. Я проглотил пол-экстази, чтобы без проблем целоваться с незнакомками. Иначе не решился бы попытаться счастья. Сколько девочек я так и не поцеловал, испугавшись получить по морде, – не сосчитать. В этом мое обаяние: я не уверен, что оно у меня есть. В «Куин» две поддатые блондинки, ничего, хорошенькие, – они шарили язычками у меня в ушах, создавая эффект стереофонического бульканья, – спросили:

– К тебе поедem или к нам?

Устроив коллективный засос обеим сразу (и покусав четыре грудки), я гордо ответил:

– Вы к себе, а я к себе. У меня нет с собой резинок, и потом, я сегодня праздную развод, так что буду мандражить – вдруг у меня не встанет.

Я оседлал мотороллер и вернулся в свою пустую квартиру. Рука страха сжала мне желудок: дошло экстази. А толку-то: очень надо было всю ночь убегать от самого себя, чтоб под конец быть настигнутым у себя дома? В кармане пальто я нарыл остатки кокаина в конверте. Втянул прямо с крафтовой бумаги. Хотя немного развеет хандру. У меня остался белый порошок на кончике носа. Спать больше не хочется. Уже утро, скоро Франция примется за работу. А в это время один застрявший в детстве вьюнош не двинется с места. Слишком косой, чтобы спать, читать или писать, я буду часами смотреть в потолок, стискивая зубы. Красная рожа и белый нос – я вижу в зеркале клоуна на негативе.

На работу я сегодня не пойду. Есть чем гордиться: отказался от бисексуального группака назавтра после развода. Обрыдли все эти телки, с которыми спишь, но просыпаться не хочешь. Кроме разве что убежавшего из кастрюльки молока, мало найдется на земле зрелищ более жалких, чем я.

VII

Рецепт для поднятия настроения

Повторяйте почаще три следующие фразы:

1. СЧАСТЬЯ НЕТ.

2. ЛЮБОВЬ – СКАЗКИ.

3. И НИЧЕГО СТРАШНОГО.

Кроме шуток, выглядит по-дурацки, но этот рецепт мне, может быть, спас жизнь, когда я дошел до ручки. Попробуйте сами в следующую нервную

депрессию. Очень рекомендую.

Вот вам еще список грустных песен, которые полезно слушать, чтобы выбраться из ямы: «April come she will» Саймона & Гарфункеля (20 раз), «Something in the way she moves» Джеймса Тейлора (10 раз), «Если бы тебя не было» Джо Дассена (5 раз), «Sixty years on» и «Border song» Элтона Джона (40 раз), «Everybody hurts» группы REM (5 раз), «Несколько слов любви» Мишеля Берже (40 раз, но лучше никому не говорите), «Memory Motel» «Роллинг стоунз» (8 с половиной раз), «Living without you» Рэнди Ньюмена (100 раз), «Caroline No» «Бич Бойз» (600 раз), «Крейцера соната» Людвига ван Бетховена (6 тысяч раз). Отличная сборная солянка – у меня уже и слоган готов:

Сбор врачует ум,

Сбор для черных дум.

VIII

Для тех, кто пропустил начало

В свои тридцать лет я все еще не способен посмотреть в глаза красивой девушке не покраснев. Нет, это надо же иметь такую впечатлительную натуру! Чтобы влюбиться по-настоящему, я слишком пресыщен; чтобы оставаться равнодушным – слишком чувствителен. Короче, слишком слаб, чтобы долго быть женатым. Ну какая муха меня укусила? Конечно, велик соблазн отослать вас к предыдущим двум томам, но это было бы не совсем fair play, если учесть, что сии романтические шедевры были разделаны под орех вскоре после их скромного успеха.

Итак, краткое содержание предыдущих серий: я был неисправимым прожигателем жизни, чистым продуктом нашего общества бесполезной роскоши. Родился 21 сентября 1965-го, через двадцать лет после освобождения Освенцима, в первый день осени. Я появился на свет в день, когда с деревьев начинают падать листья, в день, когда дни укорачиваются. Отсюда, наверно, моя природная разочарованность. Я зарабатывал на хлеб насущный, нанизывая

слова, в газетах или рекламных агентствах – последние предпочтительнее, так как больше платят за меньшее количество слов. Приобрел известность организацией праздников в Париже в ту пору, когда в Париже не стало праздников. К словам это не имеет никакого отношения, однако так я сделал себе имя, потому, наверно, что в наши дни нанизыватели слов считаются фигурами менее значительными, чем люди, фигурирующие на снимках в иллюстрированных журналах, в разделе «Ночная жизнь».

Я удивил тех, кому была интересна моя биография, когда женился по любви. Однажды я заглянул в голубые глаза, и мне привиделась в них вечность. Я, порхавший с вечеринки на вечеринку, от профессии к профессии, чтобы не оставалось времени хандрить, вообразил, будто счастлив.

Анна, моя жена, была неземным созданием ослепительной, почти невероятной красоты. Слишком хороша, чтобы быть счастливой, – но это дошло до меня безнадежно поздно. Я мог смотреть на нее часами. Иногда она замечала это и сердилась. «Перестань глазеть, – просила она, – не смущай меня». Но я все равно смотрел – она стала моим самым любимым объектом для созерцания. Парни вроде меня, считавшие себя в детстве уродами, обычно так удивляются, пленив красивую девушку, что делают ей предложение, пожалуй, слишком поспешно.

Дальнейшее не блещет оригинальностью: скажем, дабы не вдаваться в подробности, что квартира, в которой мы поселились, была мала для такой большой любви. Мы сами не заметили, как стали проводить все больше времени вне дома, и нас затянуло в весьма сомнительный водоворот. Люди говорили о нас:

– Эти двое развлекаются напропалую.

– Да, бедняги... Наверно, плохи у них дела!

И люди были не совсем неправы, хоть и радовались возможности заполучить красавицу на свои паршивые вечеринки.

Так уж устроена жизнь: стоит вам почувствовать себя хоть чуточку счастливым, она не замедлит призвать вас к порядку.

Мы изменили обетам по очереди.

Мы расстались так же, как поженились: не понимая толком почему.

Брак – это колоссальная афера, чудовищное надувательство, чистой воды обман, на который мы купились, как малые дети, это нас и погубило. Почему? Как? Да очень просто. Допустим, молодой человек делает предложение любимой девушке. Он едва жив от страха (ах, как это мило!), он краснеет, потеет, мямлит, а у нее блещут глаза, она нервно хихикает, просит повторить: что ты сказал? Но как только она отвечает «да» – все, на них наваливаются обязанности, перечень бесконечен, семейные обеды и ужины, списки гостей, примерки платьев, ссоры, как водится, ни рыгнуть, ни пукнуть не могли при тестях-свекрах, держись прямо, улыбайся, улыбайся, кошмару не видно конца, а ведь это только начало: дальше – больше, сами убедитесь, все устроено так, чтобы они друг друга возненавидели.

IX

Дождь над Копакабаной

Сказки бывают только в сказках. Правда куда непригляднее. Правда вообще всегда неприглядна, поэтому все и лгут.

Правда – это фотография другой женщины, по моему недосмотру найденная у меня в дорожной сумке, в Рио-де-Жанейро (Бразилия), в канун Нового года. Правда в том, что любовь начинается с роз, а заканчивается шипами. Анна искала щетку для волос, а волосы у нее встали дыбом при виде поляроидного снимка в комплекте с любовными письмами, написанными не ее рукой.

В аэропорту Рио Анна меня послала. Она хотела улететь в Париж одна, без меня. Мне нечего было ей возразить. Она удивленно плакала. Оторопь человека, в двадцать секунд потерявшего все. Прелестная девочка вдруг обнаружила, что жизнь ужасна и что брак ее рухнул. Она ничего не видела вокруг себя – ни аэропорта, ни очередей, ни информационных табло, все исчезло, кроме меня, ее палача. Как я жалею сегодня, что не сгреб ее в объятия! Но я комплексовал, потому что она лила и лила слезы и все пялились на меня. Всегда как-то неловко выглядеть подонком на людях.

Мне бы попросить прощения, а я сказал: «Иди, опоздаешь на посадку». Я ничего не сделал, чтобы спасти ее. При одной мысли об этом мой длинный подбородок до сих пор ходит ходуном. Глаза у нее были молящие, скорбные, мокрые, ненавидящие, усталые, тревожные, разочарованные, наивные, гордые, презрительные и все равно по-прежнему голубые. Никогда не забуду: эти глаза узнали, что такое боль. Придется мне привыкать жить с этой пакостью, никуда не денешься. Жалеют страдальцев, но не мучителей. Сам разбирайся, старина, как большой. Ты – человек, не сдержавший обещаний. Вспомни, как сказано в конце «Адольфа»[2 - Хрестоматийная для французов повесть Бенжамена Констан (1767-1830).]: «Самая главная проблема в жизни – это страдание, которое причиняешь, и самая изощренная философия не может оправдать человека, истерзавшего сердце, которое его любило».

Потом я бродил один по Копакабана с разбитым сердцем, пил, одинокий, как никто и никогда на этом свете, двадцать каипиринхас[3 - Каипиринхас – бразильский коктейль.], мне было дерьмово, я чувствовал себя негодяем и чудовищем. Стать бы каким-нибудь холодным камнем. Впервые за десятки лет на Новый год в Рио шел дождь. Кара Божья. Стоя на коленях на песке, под оглушительный барабанный бой в ритмах самбы, я тоже пролился дождем.

Бывают такие ночи, когда спать – непозволительная роскошь. Спать ради того, чтобы проснуться от дурного сна. Чтобы ничего этого вообще не было. Хочется вычеркнуть собственную жизнь. Потому что, когда заставляешь страдать другого, хуже всего делаешь самому себе.

Да, это правда, я прекрасно помню ту ночь, когда перестал спать. Миллион бразильцев в белом под дождем на пляже. Колоссальный фейерверк над Меридианом. Надо бросить в океан белые цветы и загадать желание, тогда боги исполнят его в наступившем году. Я швырнул букет в волны и очень-очень сильно пожелал, чтобы все уладилось. Не знаю, что случилось – то ли цветы мои были плохи, то ли боги отвлеклись. Во всяком случае, желание так и не сбылось.

Х

Дворец Правосудия в Париже

Развод легким не бывает. В какую же мы превратились мразь, если думаем, что это пустяки? Анна положила на меня. Она вверила мне свою жизнь перед Богом (и, что еще значительнее, – перед Французской Республикой). Я подписал обязательство, тем самым взявшись всегда заботиться о ней и воспитывать наших детей. На развод подала она – все правильно, ведь предложение брака делал я. Детей у нас не будет, и тем лучше для них. Я предатель и подлец, какой из меня отец семейства! Я признаю себя виноватым, чтобы избавиться от комплекса вины.

Почему никто не приходит на разводы? Когда я женился, вокруг меня были все мои друзья. А в день моего развода я совершенно один, с ума сойти. Ни свидетелей, ни шаферов, ни родственников, ни подданных приятелей, которые бы хлопали меня по спине. Ни цветов, ни венков. Я бы не прочь, чтобы в меня чем-нибудь бросали, ну ладно, не горстями риса, так хоть гнилыми помидорами, например. На выходе из Дворца Правосудия такой метательный снаряд – самое оно. Где они, все мои родные и близкие, которые обжирались птифурами на моей свадьбе, а теперь меня знать не хотят, хотя надо бы наоборот – жениться следует в одиночестве, а разводиться при поддержке всех друзей?

Говорят, в каких-то англиканских церквях устраивают церемонии полюбовного развода, с благословением расстающихся супругов и торжественной передачей пастору обручальных колец. «Святой отец, я возвращаю это кольцо в знак того, что мой брак расторгнут». По-моему, в этом что-то есть. Папе Римскому следовало бы рассмотреть вопрос: представляете, народ ведь валом повалит в церкви, и потом, перепродажа обручальных колец принесет доходу больше всяких пожертвований, точно? Богатая идея, говорю я себе, в то время как судья по бракоразводным делам предлагает помириться. Он спрашивает нас с Анной, уверены ли мы, что хотим развестись. Говорит так, будто мы четырехлетние дети. Меня так и подмывает ответить, что нет, мы просто поиграть в теннис пришли. Но потом, подумав, я понимаю, что он видит нас насквозь: он прав, мы и есть дети года по четыре.

Развод – это потеря духовной невинности. За отсутствием «славной войны», которая нам бы не повредила, только такого рода катастрофы (в одном ряду с утратой матери или отца, параличом после автомобильной аварии, потерей крова над головой в результате незаконного увольнения) учат нас быть мужчинами.

...А что, если адюльтер сделал меня взрослым?[4 - По-французски слова «адюльтер» и «взрослый» (adulte) одного корня.]

Можно притворяться, будто развод нам нипочем, но скоро наступает ужасная пора, когда мы понимаем, что перешли от «Спящей красавицы» к «Нам не состариться вместе». Прощайте, чудные мгновения, надо забыть пленительные прозвища, которыми мы называли друг друга, сжечь фотографии свадебного путешествия, выключать радио, услышав знакомую песенку, если мы когда-то напевали ее вместе. Вас выводят из себя невинные фразы вроде: «Как мне одеться?» или «Что мы делаем сегодня вечером?» – они связаны с неприятными воспоминаниями. Глаза у вас почему-то на мокром месте всякий раз, когда кто-то кого-то встречает в аэропорту. И даже Песнь Песней становится пыткой: «Прекрасны ланиты твои под подвесками, шея твоя в ожерельях... Пленила ты сердце мое, сестра моя, невеста! пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих, одним ожерельем на шее твоей»[5 - Песн., 1: 9; 4: 9.].

Если нам и суждено еще встретиться, то только в присутствии улыбчивой адвокатши, которая вдобавок будет столь бестактна, что окажется до зубов беременной. Мы чмокнем друг друга в щечку, словно старые друзья. Пойдем куда-нибудь выпить кофе вместе, как будто Земля не рухнула и по-прежнему вертится. Поболтаем вполне весело, а потом расстанемся как ни в чем не бывало, зная, что это навсегда. «До свидания» будет последней ложью.

XI

Тридцатилетний мужчина

В нашей среде не задаются никакими вопросами, пока не доживут до тридцати лет, а тогда бывает уже поздно на них отвечать.

Вот как это происходит: тебе двадцать лет, ты делаешь глупость-другую, потом вдруг просыпаешься – а тебе уже тридцать. Вот и все: никогда больше твой возраст не будет начинаться на двойку. Надо решиться быть на десять лет старше, чем десять лет назад, и весить на десять кило больше, чем в прошлом году. Сколько лет тебе осталось? Десять? Двадцать? Тридцать? Средняя продолжительность жизни сулит сорок два, если ты мужчина, и пятьдесят, если

женщина. Но она не учитывает болезней, выпадающих волос, маразма, пятен на руках. Никто не задает себе вопросов типа: удалось ли нам взять от жизни лучшее? Не следовало ли прожить ее иначе? Живем ли мы с тем человеком, в том месте? Что может предложить нам этот мир? С рождения до смерти наша жизнь идет на автопилоте, и надо обладать сверхчеловеческим мужеством, чтобы изменить ее ход.

В двадцать лет я думал, что знаю о жизни все. В тридцать выяснилось, что я не знал ничего. Десять лет я потратил, чтобы узнать то, что потом придется выбросить из головы.

Все было слишком прекрасно. С идеальными парами надо держать ухо востро: они слишком собой любят; они натужно улыбаются, словно делают рекламу новому фильму на Каннском фестивале. Что плохо в браке по любви – он сразу берет слишком большую высоту. Единственная удивительная вещь, которая может произойти с браком по любви, – крушение. А иначе – что? Жизнь кончена. Мы побывали в раю, еще не начав жить. Так и сиди до самой смерти в одном и том же прекрасном фильме с одними и теми же безупречными исполнителями. Это не жизнь. Когда имеешь все и сразу, рано или поздно начинаешь ждать катастрофы как избавления. Уповать на беду.

Я долго не мог себе признаться, что женился для окружающих, что женитьба – поступок, который совершают не для себя. Мы женимся, чтобы позлить друзей или порадовать родителей или ради того и другого вместе, а иногда наоборот. В наши дни девять десятых бонтонных свадеб представляют собой этакую повинность, светские церемонии, на которые припертые к стенке родители рассылают приглашения. Иногда, в особо тяжелых случаях, родители невесты сначала выясняют, фигурирует ли будущий зять в справочнике «Кто есть кто», прикидывают вес обручального кольца – много ли каратов, – и требуют освещения в светской хронике «Монд». Но это уж действительно крайности.

Мы женимся точно так же, как сдаем экзамены на аттестат зрелости или на водительские права: всегда одни и те же рамки, в которые надо втиснуться, чтобы быть как все, как все, КАК ВСЕ любой ценой. Если лучше всех не получается, стараешься хоть не отставать, а то, чего доброго, окажешься хуже всех. И это лучший способ погубить настоящую любовь.

А ведь брак не только стереотип, навязанный нам буржуазным воспитанием: это еще и предмет колоссальной идеологической обработки, к которой приложили

руку реклама, кинематограф, журналистика и даже литература, всеобщее охмурение, которое в результате сводит мечты прелестных барышень к колечку на пальце и белому платью, что без этого им бы и в голову не пришло. О Великой Любви – да, с ее взлетами и падениями, о ней они бы, конечно, грезили, иначе зачем жить? Но о Браке, Институте-превращающем-Любовь-в-Обузу, «лямке пожизненной любви и союза до гроба» (Мопассан) – никогда. В более совершенном мире двадцатилетние девушки не клевали бы на такую туфту. Они мечтали бы об истинном чувстве, о страсти, об абсолюте – но уж не об абы ком во взятом напрокат фраке. Они ждали бы Мужчину, который сумеет удивлять их каждый божий день, а не Мужчину, который будет дарить им стеллажи из «Икеи». Они дали бы Природе – иначе говоря, желанию – делать свое дело. Увы, разочарованные мамы желают своим дочкам аналогичного несчастья, а сами дочки видели слишком много мыльных опер. И они ждут Прекрасного Принца, вбив себе в голову этот дурацкий рекламный образ, который плодит неудачниц, будущих старых дев и мегер, потому что счастливыми-то их сделать может только мужчина, далекий от совершенства.

Понятное дело, буржуа будут клятвенно уверять вас, что это вчерашний день, что теперь иные нравы, но поверьте горькому опыту пострадавшего: никогда давление не было таким сильным, как в нашу псевдосвободную эпоху. Брачный тоталитаризм продолжает каждый день увековечивать несчастье из поколения в поколение. Нас заманивают в эти сети во имя надуманных и затасканных принципов с единственной тщательно скрываемой целью снова и снова приумножать наследство горя и лицемерия. Ломать жизни – по-прежнему любимый спорт старых французских семей, и они свое дело знают тугο. Поднаторели. Да, и сегодня можно с тем же успехом написать: «Семьи, я вас ненавижу[6 - Цитата из книги Андре Жида «Яства земные».]».

Ненавижу еще сильнее оттого, что взбунтовался поздно, слишком поздно. В сущности-то, мне все очень нравилось. Я, чурбан неотесанный беарнских корней, лопался от гордости, женившись на Анне, фарфоровой аристокиске. Я был недалек, самодоволен, наивен и глуп. Теперь расплачиваюсь. Я заслужил это фиаско. Я был, как все, как вы, мои читатели, уверен, что составляю исключение, подтверждающее правило. Разумеется, меня чаша сия минует, уж мы-то перейдем эту реку, не замочив ног. Крушение – это только у других. Но в один прекрасный день любовь ушла – и я будто очнулся. Еще какое-то время я старался быть любящим мужем. Но я слишком долго лгал самому себе, чтобы не начать рано или поздно лгать еще кому-то.

Утраченные иллюзии

Наше поколение слишком поверхностно для брака. Нам жениться – все равно что в «Макдоналдс» сходить. А потом – порхаем. Ну как, спрашивается, прожить всю жизнь с одним человеком в обществе тотального порхания? В эпоху, когда кумиров, президентов, искусства, пол, религию меняют как перчатки? С какой стати чувству под названием любовь быть исключением из всеобщей шизофрении?

И потом, главное, откуда этот странный пунктик, почему надо из кожи вон лезть, чтобы быть счастливым непременно с одним-единственным человеком? Из 558 типов человеческих обществ моногамны только 24 %. Большинство видов животных полигамны. Об инопланетянах и говорить нечего: Галактическая Хартия X23 давным-давно запретила моногамию на всех планетах типа В#871.

Брак – это икра на завтрак, на обед и на ужин: тем, что обожаешь, тоже можно обожраться до тошноты. «Ну пожалуйста, еще немножко! Что? Больше не можете? А ведь еще совсем недавно вам так нравилось, что это с вами? Ну-ка ешь, гадкий мальчик!»

Сила любви, невероятная ее власть, видно, и впрямь повергала в трепет западное общество, если оно создало эту систему, имеющую целью отвратить вас от того, что вы любите.

Один американский исследователь недавно доказал, что неверность имеет биологическую природу. Неверность, по мнению сего ученого светила, – это генетическая стратегия, благоприятствующая выживанию вида. Вообразите на минуточку семейную сцену: «Любимая, я изменил тебе не ради удовольствия – исключительно ради выживания вида, представь себе! Может, тебе это и до лампочки, но кто-то же должен позаботиться о выживании вида! Если ты думаешь, что мне было в кайф...»

Я никогда не останавливаюсь на достигнутом: если мне нравится девушка, я хочу влюбиться, влюбился – хочу ее поцеловать, поцеловал – хочу с ней переспать, переспал – хочу поселиться под одной крышей, живу под одной

крышей – хочу жениться, женился – встречаю другую девушку, которая нравится. Мужчина – животное ненасытное, он вечно выбирает из нескольких вариантов фрустрации. Будь женщины похитрее, не давались бы в руки, чтобы заставить бегать за ними всю жизнь.

Единственный вопрос в любви – вот он: когда мы начинаем лгать? Все так же ли вы счастливы, возвращаясь домой, где вас ждет все тот же человек? Когда вы говорите ему «люблю», вы по-прежнему так думаете? Наступает – неизбежно наступает – момент, когда вам приходится делать над собой усилие. Когда у «люблю» уже не будет того вкуса. Для меня первым звоночком стало бритье. Я брился каждый вечер, чтобы не колоть Анну щетиной, целуя ее в постели. А потом однажды ночью – она уже спала (я был где-то без нее, вернулся под утро, типичное мелкое свинство из тех, что мы себе позволяем, оправдываясь семейным положением) – взял и не побрился. Я думал, ничего страшного, она ведь и не заметит. А это значило просто, что я ее больше не люблю.

Разводясь, всегда покупают «Расставание» Дана Франка. Там такая душещипательная первая сцена: в театре, во время спектакля, мужчина понимает – жена его больше не любит, только потому, что она отнимает руку, которую он держит в своей. Он пытается снова взять ладонь жены в свою, а она снова выдергивает ее. Я думал: вот дрянь-то! Ну зачем так измываться? Неужели так трудно оставить свою руку в руке мужа, черт возьми? Думал, пока то же самое не случилось со мной. Я стал отталкивать Аннину руку сплошь и рядом. Она, скажем, ласково возьмет меня за руку, или за локоть, или положит ладонь мне на колено, когда мы вместе смотрим телевизор, – и что же я вижу? Вялая белесая ладошка, мягкая такая, на ощупь вроде резиновой перчатки. Меня так и передергивало. Как будто осьминога в руку сунули. Я ел себя поездом: Господи, как же я докатился до такого? Сам стал дрянью из книги Дана Франка. А Анне еще надо было переплестать свои пальцы с моими. Я делал над собой усилие, невольно морщась. Вскикивал, будто бы мне приспичило в туалет, а на самом деле – только чтобы избавиться от этой руки. Потом возвращался, совесть меня мучила, садился и смотрел на эту руку, которую раньше любил. Руку, которую я попросил у нее перед Богом. Руку, за которую три года назад отдал бы жизнь, чтобы вот так держать ее в своей. Смотрел и ничего не чувствовал – только отвращение к себе, стыд за нее, безразличие и желание разнюниться. И я прижимал к груди этого мягкого спрута и прикивал к нему поцелуем, мокрым от печали и досады.

Любовь кончается, когда нельзя вернуться назад. Так приходит осознание: вода тихо течет под мостами, мы не понимаем друг друга, мы расстались и сами не заметили как.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Перевод Ирины Кудесовой. (Здесь и далее прим. пер.)

2

Хрестоматийная для французов повесть Бенжамена Констана (1767–1830).

3

Каипиринхас – бразильский коктейль.

4

По-французски слова «адюльтер» и «взрослый» (adulte) одного корня.

5

Песн., 1: 9; 4: 9.

6

Цитата из книги Андре Жида «Яства земные».

Купить: <https://tellnovel.com/ru/frederik-begbeder/lyubov-zhivet-tri-goda-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)